

ОНИ ГДЕ-ТО РЯДОМ, НО МЫ ИХ НЕ ВИДИМ

АЛЕКСАНДР МОЦАР

International

Literary

ausgabe

Александр Моцар

ОНИ ГДЕ-ТО РЯДОМ,
НО МЫ ИХ НЕ ВИДИМ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

**Александр
МОЦАР**

**ОНИ ГДЕ-ТО РЯДОМ,
НО МЫ ИХ НЕ ВИДИМ**

(избранное №1)

**Друкарський двір
Олега Федорова
Ки в, 2025**

УДК 821.161.2'06(477)-14

М 86

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»

Заснована у 2023 році

Моцар А.

М 86 Они где-то рядом, но мы их не видим / Моцар А. —
Друкарський двір Олега Федорова, Київ 2025. — 112 с.

ISBN 978-617-8477-67-7

Прошлое застывает и обретает ценность. Литература циклична, впрочем, как и другие виды искусства. Поколения накапливают и письменно переживают свой опыт и более или менее удачно передают его следующей генерации. По крайней мере, литературоведы чётко обозначают границы того или иного периода, присваивая им золотые, серебряные и прочие романтические названия. То, что происходило в период 2000-х годов и вплоть до войны 2022 г., ещё не обрело своего имени. Но сейчас понятно, что этот период имеет свои временные границы и свои особенности. Прежде всего, следует отметить, что это было время литературных фестивалей, как глобальных международных, так и небольших, локальных, почти самодельных. Кроме того, в этом пространстве была масса международных поэтических премий, которые тоже совпадали своей фактурой с фестивальными сценами. Везде на подобных мероприятиях авторы выступали на эстраде. Эстрада, слэм, поэтический батл — здесь своя драматургия. Часто здесь текст — суть маленький спектакль. Стихотворения с героями, со своей театральной основой. Античные трагедия и комедия перестали быть архаикой и снова явились на сцену. Тексты первых двух частей, представленные в данной книге, относятся именно к «боевому» периоду сцены. «Александр Моцар, Бим и Бом, и другие клоуны» — стихи от нулевых годов до тринадцатого года. Далее «Е=М (Механика)» — темы периода четырнадцатого-восемнадцатого годов. Третья часть этой книги суть рефлексия, ретроспективный взгляд на прошедшее время первых двух частей. Что будет дальше? Время перестало быть линейным и стало абстракцией.

УДК 821.161.2'06(477)-14

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)

ISBN 978-617-8477-67-7

© Моцар А., 2025

© Федоров О.М., видавець, Київ 2025

«какая пустыня; нет людей — все демоны»

Тарелкин

**ИЗ КНИГИ
«АЛЕКСАНДР МОЦАР, БИМ И БОМ,
И ДРУГИЕ КЛОУНЫ»
2013 г.**

* * *

Знакомьтесь,
Это Бим.
У него большое горе:
У него умерла тетушка
Марья Ивановна.
На лице Бима от слёз расплылся грим,
Отчего он стал похож на гаера балаганного.

В наследство Бим получил чемодан,
Набитый битком.
Друг Бима, Бом
Предполагает, что золотым песком.

Друзья решают открыть чемодан,
Того не зная,
Что там
Сидит собака злая.

При виде животного они бросаются наутёк,
Не догадываясь о тайне
Умершей тётки,
Почему она прятала пса вместо золота в чемодане.

Золото действительно некогда хранилось в нём,
Но тётушка его обменяла на собаку,
Потом
Села за письменный стол
И записала следующее на бумагу:

«Я уйду из этого мира,
Так до конца не выполнив свой долг.
Кровь в жилах застыла
При мысли о том,

Что мой единственный наследник Бим
Чемодан откроет.
С ним
Может случиться большое горе.

Дело в том, что собака эта — не собака вовсе
И я не её хозяйка,
В 1957 году она побывала в космосе,
Зовут её Лайка.

Что с ней там произошло —
Доподлинно неизвестно,
Всё
Засекретили, естественно.

Но её укус смертелен, как удар кастета,
Человек умирает, но затем возвращается...»
На этом
Записки обрываются.

Москва,
МКАД,
Ночь иллюминирована луною полной,
Бим и Бом, укушенные за зад,
Бегут
И превращаются в кровавых зомби.

* * *

У нее был классный череп,
Правильной формы, почти со всеми зубами.
На запястьях вились браслетами черви.
Она вся состояла из таких креативных деталей.

Мы выглядели не так шикарно.
Правда, у Яши бланш под глазом
Сиял гордо, как кокарда.
Да еще Булкин был педерастом.

Нас объединяла одна идея,
А именно мистический реализм.
Мы запоем читали Мамлеева.
Это был сознательный, коллективный аутизм.

Уход в духовные катакомбы,
В мистику первого слова, в зрачок позднего Боттичелли.
Она вспыхнула перед нами атомной бомбой.
У нее был классный череп.

Булкин, вынув из ноздри палец,
Потухшим голосом объявил всем:
— Всё, доигрались.
Готовимся к жёсткому БДСМ.

Жёстко получилось, по полной программе,
Жёстче, чем Напалм Дзэ.
Мы даже подумали тогда с пацанами,
Что это и есть полный пиздец.

Через полгода, выйдя из дурки,
Мы разошлись в разные стороны.
Чтобы больше никогда не встречаться друг с другом.
Не люблю вспоминать эту историю.

* * *

Эта история произошла совсем недавно:
В подzemке «Площадь Льва Толстого»
Я познакомился с чернокожей американкой
Сарой Ивановой.

Это мне показалось забавным,
Спросил: «Вот из йо нейм, миссис?»
В ответ она меня послала на хуй,
Но, присмотревшись внимательно, предложила выпить.

Позднее, анализируя хронологию попойки,
Вспомнил немаловажную деталь, а именно:
Когда мы подходили к барной стойке,
Мне захотелось повеситься неожиданно.

Десятипудовая Клава, подавая пельмени,
Водку и стаканы,
Неожиданно спросила:
— Вы не читали демонологию Ремми?
— Не читали.

Следует рассказать о Сариной биографии,
Вернее, о том, почему она Иванова.
Всё просто: отец мелкий менеджер русской мафии,
Мать наркоторговка из Вашингтона.

Рассказывая о себе, я опустил детали —
Родился, женился и прочие бредни.
Сказал просто: «Мама анархия,
Папа стакан портвейна».

Нам славно в этом сортире сиделось,
Пока к нашему столику не подошла сволочь.
Я не успел послать его в промежность.
Пробила полночь.

Можно сказать, что я был поддатый,
Но, поверьте, я собственными глазами видел это:
С двенадцатым ударом часов сволочь обернулась
бородатым
Поэтом.

Из глубины зала блеснуло стекло.
Приглядевшись, я вздрогнул невольно:
Строго и одиноко сидел за столом
Литературный критик, очкастый как кобра.

Когда за жизнь говорят с трёхаршинным понтом
И простые вопросы объявляются вечными,
Тогда ад обретает нечёткие контуры
Литературного вечера.

Обалдев от словесной иллюминации,
От фразеологических вывихов и переломов, я вдруг
Вспомнил, как выходил из подобных ситуаций
Хома Брут.

— Свят круг, защити меня
От этих бесов, —
Шептал я, маркером круг чертя,
Голосом от страха треснувшим.

И в самом центре этого скандала
С взглядом стеклянным
Стояла бледная панночка Сара
В саване из дыма марихуаны.

— Витю. Витю. Приведите Витю.
Ступайте за Витей! — кричала она.
И первую мысль мою — «Саня, не ссы!» —
Перебила вторая: «Всё, хана».

И вот появился огромный чёрт
В грязной майке на волосатом теле —
Лауреат малой премии «Московский счёт»,
Шорт-лист «Андрея Белого».

Его глаза как лунные кратеры,
Названные именами литературных гениев.
Он сдержанно поблагодарил организаторов
И произнёс несколько стихотворений.

Он ритм отбивал копытом,
А в конце объявил грозно
И неожиданно:
— Выступает Александр Моцар.

И как только эта новость коснулась моего слуха,
Я в прострации полной
Вышел из спасительного круга...
Больше я ничего не помню.

* * *

Сразу после рекламной паузы
На экране появился лысый мужчина.
Он сообщил о появлении новой расы —
Детях-индиго.

Интуитивно не доверяя лысому,
Зашёл в Интернет.
О детях-индиго там много написано.
О взрослых-индиго ничего нет.

Эти дети, как рентген, насквозь всё видят,
Но часто обладают характером скверным.
Родителей своих ненавидят,
Потому что родители расово неполноценные.

Индиго обладают аурой особой,
Что-то среднее между тёмно-синей и фиолетовой.
И поэтому они считают, что всем остальным особам
Нужно жить в гетто.

Лысый бьёт тревогу,
Ставит ребром вопросы:
Десять-пятнадцать лет — это немного,
Скоро индиго станут взрослыми.

Что тогда? Закат или катарсис?
Сможет ли человечество выжить?
Не это ли пророчит Апокалипсис?
И лысого внимательно слушают короткостриженные.

У них нервы — кремень.
Настроение — пятница.
Они вынимают из штанов ремень,
Чтобы поймать лысого и всыпать ему по заднице.

* * *

Умерла моя соседка Елена Александровна Гаврилова.
— Инфаркт, — констатировала врач скорой.
Люди об умершей говорили:
— Редкая сволочь!

Чтобы так оценить человека, нужны весомые причины.
И, в общем, понятно,
Почему известие об её скоропостижной кончине
Многими было воспринято более чем прохладно.

Но когда финальная точка, а не запятая,
Тогда задумываешься о смысле написанного, а не о
красоте почерка.
Смерть — самое высокое перед людьми оправдание.
Короче...

Коллеги по работе в заводской бухгалтерии,
Соседи, подруги детства и прочие знакомые
Пришли помянуть покойную в недорогой кафетерий
В соседнем доме.

Не было речей о золотом сердце,
Ангельском характере и прочих достоинствах
покойников.
Немного посудачили о причине смерти,
Посочувствовали родственникам.

Когда все расходились,
Я подумал, шагая в свою конюшню девятиэтажную:
Как будто в чистое все переоделись,
Не вспоминая то, что, по сути, уже неважно.

* * *

Мы пришли на вечер памяти N.
N умер ровно год назад.
У тебя юбка гораздо выше колен,
У меня спиртным до завязки забит рюкзак.

Мы невнимательно слушаем выступления.
Перегнувшись через кресло, шепчу своей знакомой:
— Сейчас отстреляемся и двинем по направлению
К нам домой.

Здесь скучно и все говорят об N.
Странно говорят, как о покойнике.
Объявляют тебя, и ты рассказываешь со сцены
О моём друге — о своём предыдущем любовнике.

Лопнула лампочка от перебора ватт.
Твоё лицо, словно вуалью, покрылось тенью.
Ты вспоминаешь, как я позвонил тебе год назад,
Примерно в это же время.

* * *

Утро 19 мая. Полуподвальное помещение
Где-то возле Бессарабского рынка.
С двумя пожилыми вьетнамцами отмечаю день рождения
Хо Ши Мина.

— Ну и что ты делаешь в этом блошином царстве? —
Справедливо спросите у меня вы.
Всё просто. Я получил задание редакции
Взять интервью у нацменов, которых избili скины.

Мы сидим за большим кухонным столом,
За которым они обычно готовят корейскую морковку.
Я слушаю их рассказы о том,
Как они когда-то были партизанами Вьетконга.

Они говорят без эмоций о войне,
Прихлёбывая водку, словно чай, из чашки.
Беззубо улыбаясь, показывают мне,
Как правильно ставить мины-растяжки.

Я разливаю водку по чашкам и мимо,
Предлагаю выпить за дом,
В котором... А они о своем, о тропе Хо Ши Мина,
И мы снова за него пьем.

Когда они по-детски имитируют автоматные выстрелы,
Я начинаю жалеть скинов.
Я понимаю, рано или поздно вьетконговцы их выследят
И отрежут уши кухонным ножом.

Через час-полтора выключаю диктофон,
Говорю: «Пока, мужики», — и к выходу топаю.
Григом вибрирует мобильный телефон:
— Привет. Как дела?
— Да пошёл ты в жопу.

Когда оказался в своей квартире,
Отключился мгновенно, отключив будильник.
Через полчаса я подорвался на mine,
Хотя ставил её, как меня учили.

* * *

— Современной поэзии не существует, —
Безапелляционно и однозначно
Говорит мне приятель и добавляет грубо:
— Не смотри на меня так своими глазёнками поросычьими.

Мы подходим к памятнику Пушкину,
Садимся на лавочку, прихлёбываем пиво.
Александр Сергеевич нас задумчиво слушает,
Пряча цилиндр свой за спину.

Глядя на памятник, приятель пытается острить
Что-то о поэте как о хозяине времени...
Я перебиваю его: — Слушай, а менты нас не свинтят?
— Могут. Так что давай, допивай скорее.

В сущности, Пушкин — поэт своей субкультуры.
Аристократия, дворянство — небольшой срез
тогдашнего общества,
Но весьма интенсивный, не то, что современный гламур —
Обноски с плеча какого-нибудь заморского ничтожества.

Я возражаю: — Но и тогда была та же шняга.
Кальку снимали с Запада просто как «здрате»...
Продолжая беседу, мы заливаем коньяк во флягу,
Перед началом литературного вечера с нашим участием.

* * *

— Я рисую облака в небе, —
Сказал мне один знакомый без тени иронии.
Он был в этом как-то по-детски уверен.
Я знал, что он работает истопником в крематории.

К губе прилипший уголёк «Примы».
Вторая бутылка портвейна — «за встречу».
Он смотрел на меня, я смотрел мимо.
Он ждал, что я на это отвечу.

Я промолчал, я ничего не ответил.
Разлил портвейн по пластиковым стаканам.
Он стряхнул на землю сигаретный пепел
И мрачно добавил:

— Знаешь, Саня, для меня крематория трубы —
Как кисти в руках художника.
То, что я вместо красок использую трупы...
Короче, можешь считать это перформансом.

Через пару часов, сказав ему «пока»,
Я ехал домой, на свою территорию.
Ехал и думал, рассматривая облака:
Хорошие художники работают в крематориях.

* * *

Утром окно напоминает проявляемую фотографию.
Все чётче и чётче контуры города,
Чёрно-белые здания
На фоне в небо торчащих хоботов.

Это слоны, живущие на Татарке
(есть в Киеве такой район).
Странная смесь промзон и парков,
Слоны — достопримечательность промзон.

О существовании слонов догадываются немногие,
Потому что слоны похожи на котельные.
Конечно, если подождут под себя ноги
И примут прямоугольную форму тела.

Но это несложно для слона,
Который живет на Татарке, а не в Индии.
Татарские слоны из хоботов выпускают облака,
Имитирующие разных зверей. Жители

Татарки, в небо тычут пальцами:
—Смотри, — говорят. —Это похоже на бульдога, а это — на зайца.

* * *

Вот сидит плохой человек
За столиком.
Перед ним стакан,
В стакане водки 200.
В голове его зреет коварный план
Мести.
Звать его Толиком.

Толик смакует предстоящую месть,
Как ребенок леденец,
А в это время его тесть
Говорит его же жене: «Муж у тебя подлец,

Я его посажу, —
Продолжает тесть. —
Твоему мужу
Обязательно нужно в тюрьму сесть,

Иначе он докатится до убийства
И попадёт в ад».
Жена Толика вытирает слёзы платком батистовым
И отвечает: «Пап,

Он не такая бестия,
Прости его,
Он не будет больше.
А то, что он опять украл и пропил всю твою пенсию,
Так за это ты ему уже дал по роже».

Всего этого не слышит Толик.
Обдумывая месть, он входит в раж:
Водку запивает джин-тоником
И аккуратно ощупывает тестем поставленный бланш.

* * *

Вот они,
Эти мерзавцы, —

Молодые,
Розовощёкие
Красногубые

Зайцы.

Как называем их мы,
Кондукторы.

Причина их отменного здоровья физического —
Бесплатный проезд в общественном транспорте.
Лирические
Герои городского метaprостранства,
Здравствуйте.

Встречаю вас приветственным гимном,
Говорю о вас только восторженно.
С вас надо писать картины,
Дорогие мои,
Хорошие.

От точки А до точки Б расстояние
Вы пересекаете, словно ад
Пересекали ранее
Вергилий и Дант.

А теперь прослушай информацию,
С обрюзгим лицом господин.
Знаешь, почему тебя легко отличить от зайца?
Причина — адреналин,

Вырабатываемый мозговым веществом надпочечников, —
Так утверждают врачи.

Короче,
Хочешь быть румяным, как калачи?

Тогда не плати за проезд

Никогда.

Вот те крест!

Будешь здоров

Всегда!

* * *

В нашу городскую тюрьму
Пришёл конвертик синий:
«Не люблю тебя потому,
Что ты некрасивый.

Простить тебе могу всё,
Даже свою мать покойную.
Но только не то,
Что ты оброс угрями гнойными.

Два года назад, Женя,
Когда мы только с тобой начали встречаться,
Ты от нынешнего своего отражения
Сильно отличался.

Ты пишешь, что угри —
Результат передозировки моей мамой.
Не ври.
Я знаю, что ты стал похож на жабу

В результате разрушения буддхического тела,
как утверждала мама моя.
Впрочем, что говорить о прошлом.
Не вспоминай меня
Больше».

Следующая картинка:
Камера залита жёлтым месяцем.
Хныкая, Женя из трусов вытаскивает резинку,
Чтобы повеситься.

* * *

Концептуалистка Таня вышла замуж
за непьющего гармониста Артура.
Без всякого расчёта. Артуру всё равно, а Таня влюбилась.
По-видимому, где-то там решили скомпилировать
два вида абсурда.
И это, как ни странно, это неплохо у них получилось.

Нельзя сказать, что всё у этой пары складывается удачно.
Первый год прошёл под лозунгом «ни дня без стресса».
Но постепенно некая гармония наметилась
в жизни новобрачных.
Как в конкретных сонатах Пьера Булеза.

К примеру, когда начинается творческий кризис у Тани
И, как следствие, запой, а точнее пиздец полный,
То абсолютно трезвый Артур для нее на гармошке играет
«Крейсер Варяг» или «Амурские волны».

Таня начинает плакать и, сквозь слёзы не разбирая лица
Своего мужа, нежно гладит его по щетине.
После, как она считает, бессовестно отдаётся
Совершенно незнакомому ей мужчине.

Утро как утро, после подобных откровений,
Таня с ужасом вспоминает, что было накануне,
Мысленно называет себя проституткой последней
И вслух клянётся, что больше жизни Артура любит.

Как вы видите, два человека, не сходящиеся ментально,
Неожиданно образуют идеальную систему замкнутого круга.
И поэтому я заканчиваю банально:
Жизнь — это сложная штука.

* * *

Егор — увесистый мужчина 35-ти лет,
Друзья в шутку называют его шкафом.
В шкафу находится скелет,
Принадлежавший некогда его папе.

Скелету удобно в теле Егора,
Особенно в те дни, когда тело вино пьёт.
Скелет подползает к самому горлу
И подставляет под горло беззубый рот.

Напившись бессмысленно и скоро,
Скелет заставляет плясать тело
Голым
И радостным одновременно.

За голой радостью приходит раскаяние в содеянном,
За раскаянием маячит желание выпить страстное.
Егор идет за следующей бутылкой портвейна,
Не подозревая о внутренней причине своего пьянства.

* * *

В переулке,
Что испуганно жмётся к заводскому забору,
Я пил коньяк с придурком,
Который утверждал, что скоро

Мир признает его гением —
И литература начнёт новый отсчёт.
Я молчал, хотя читал его произведения.
Молчал, потому что коньяк был куплен за его счёт.

В его глазах металось безумие,
Но это не было безумием гения.
За спиной две надписи — «хуй»
И «Цой жив», почти стёршиеся от времени.

* * *

Тем, кто бухает в подъездах на лестнице,
На кого не находят управы
Даже семидесятилетние девственницы, —
Браво!

Тем, кого не сгонишь с этажа
В глухую ветром бодрящую ночь,
Передаёт братский привет такая же,
Как и вы, сволочь.

Так же, как и вы, я в вечном непокое
В поисках места на планете,
Где можно без изысканных аллегорий
Говорить о жизни и смерти.

Где не нужно высасывать из пальца
Сомнительных фактов, чтобы что-то доказать.
Но, как и вы, мерзавцы,
Я мешаю нормальным людям спать.

Слюни по щеке липкой кашицей,
Упакованное в перину тело.
Впрочем, кажется,
Я опять вмешиваюсь не в своё дело.

* * *

В киевской подворотне
Сидят физические лица —
Владелец бутылки водки
И автор идеи напиться.

В хмурый больной понедельник
Возникла у них потребность,
Хотя авторство этой идеи
Уходит в глубокую древность.

Вдруг происходит что-то,
Становится пусто и страшно.
Так напивались до рвоты
Менеджеры по продажам.

Разбросанные по эпохам,
Республикам и тираниям,
Они вспоминали лохов,
Которых они разводили.

Трясущимися руками
Лили водку в посуду,
Друг друга они уверяли,
Что делать так больше не будут.

Лоб в лоб, как бараны, уткнувшись,
Пьяными голосами
Они вспоминали юность
И группу, в которой играли.

Вечер. Кому-то не спится,
Смотрит брезгливо мужчина,
Как при исполнении лица
Ведут бунтарей в машину.

* * *

В обезьянниках всего мира по разным причинам,
Разделённые клетками и пространством,
Сидят крупные мужчины
За мелкое хулиганство.

Трудно крупному мужчине пребывать в рамках
Социальных условностей и законов,
И поэтому их в тесные клетки запирают
Компрачкосы в погонах.

Почти все они сидят за дело.
А отсидевши, выходят смиренно-тихо,
Если не с изуродованным телом,
То, безусловно, с изуродованной психикой.

Бродят, неприкаянные, по миру,
Бухают под заборами и мочатся в подъездах.
Никому не нужные гиганты огромной физической силы
И духовных потенций.

* * *

Начнём с того,
Что эти
Мерзавцы
Неизвестно от кого
Узнали секрет
Левитации.

Теперь они
Без видимого напряжения
Отрываются от земли,
Улетая за пределы человеческого зрения.

Вооружив свой взгляд
Телескопами,
Биноклями
И даже подзорными трубами,
Мы следим за полётами этих ребят,
Как следят роконосцы за своими супругами.

Время от времени кто-нибудь из них
Снижается до разумных пределов,
И тогда
В пивных
Мы рассуждаем о законах притяжения к телу тела.

ИЗ КНИГИ: E=M
(механика)
2018 г.

* * *

Курс прежний, независимо
От твоего желания поменять Вест на Ост.
Но если пустота фиксируется письменно,
То это мой верхний пост.

Просто четыре угла, и закипающий чайник
Что-то бормочет, пока его не остановит щелчок.
Ты завариваешь чай и думаешь: «Замечательно».
То есть не думаешь ни о чём.

То есть мысли все ещё навязывают желания.
Или наоборот, впрочем, это неважно.
Чувствуете, как все время ускользает что-то главное,
Но от этого уже не становится страшно.

К этой двери не подберешь ни ключей, ни отмычек.
Внезапно, как выстрел, ты соглашаешься с этим.
И вот тогда жизнь становится простым набором привычек,
Полезных и вредных — в паритете.

* * *

Конечная 102-го автобуса,
Кашляют пенсионеры-«Икарусы».
Это мой Метрополис.
Нижний девятиэтажный ярус.

Семечки на скамеечках.
Пиво под магазином с оптовыми ценами.
Для кого-то это конечная.
Для кого-то — отправная точка к центру.

Здесь уживаются на одном этаже,
Несмотря на стены, тонкие, как барабанные перепонки,
Приезжие перспективные менеджеры
И спившиеся инженеры советской оборонки.

Наверное, это избитая аксиома.
«Баян», как говорится, но все же:
Если жизнь — это бег с препятствиями по эллипсу стадиона,
То старт и финиш — одна и та же линия на беговой дорожке.

* * *

Полине Лавровой

Вечер как вечер, что называется, рядовой.
Скучно стучат хронометром капли из незакрытого крана.
Ветер, похожий на собачий вой,
Усиливает впечатление от Баха Иоганна.

На продавленном диване лежит человек,
Сумерки причесывает дрожащими ресницами.
Трудно определить, сколько ему лет,
Предположим, что далеко за тридцать.

Предположим, что он... впрочем, зачем что-то предполагать?
Вот лежит человек, словно голова на плахе.
«Больше, пожалуй, нечего о нём сказать» —
Подумал он о себе и о Бахе

В этой короткой мысли человек застыл.
Словно парализованный калека.
Короткая формула — «жил-да-был» —
И есть самое полное описание жизни всякого человека.

Кто о ком сказать больше бы мог?
Добавить к тому, что было, хоть самую малость?
И даже если от Баха остался Бог,
То все равно от Баха уже давно ничего не осталось.

Вечер как вечер, что называется, рядовой.
Его обычность провоцирует у человека нервную дрожь.
Ветер, похожий на собачий вой.
Бах, похожий... впрочем, кто его знает, на кого или что он похож.

* * *

«Первый или последний? Альфа или Омега?» —
В мысли навязчивой корчится, словно бумага в огне:
«Смысл существования Бога без человека
Неясен человеку, то есть конкретно мне».

И темнота ночная, из которой ему не выпутаться.
На улице фонари свой оградили предел.
Бабочка бьется в окно, пытаясь на улицу выбраться.
Бабочка залетела, когда свет в его доме горел.

* * *

Лошадь бежит по кругу.
Поиск себя по блогам.
Через минуту проснусь и забуду
Тайное имя Бога.

Криком разжал сна тиски.
Воздух ловил губами.
Позже сжимал виски
Рыбьими плавниками.

Клетка, аквариум, комната.
Желтые, белые стены.
Способ сбежать из омота —
Клюнуть на хлеб белый.

* * *

Веселись юноша... и не читай, что дальше.
Будет, что будет. Разгуляйся до пепла.
Если не умрёшь, как зерно, высеянное на пашне,
То и не воскреснешь в истине, что времени нет и не было.

А пока гуляй по воле или от стенки к стенке.
Верь только в себя и в то, что непобедим...
А Земля вращается против часовой стрелки,
Против времени — ты понял? — а не заодно с ним.

* * *

У Валентина П. — острая паранойя.
И, как он утверждает, мистические видения.
Когда-то он вышел на путь воина,
И дошёл до двухцентнерного ожирения,

И сверхценной идеи своего величия,
Подтверждённой массой своего тела.
Он страдает от тупого безразличия
Человечества, которое его не разглядело.

Он знает, что всё это происходит не случайно.
Он знает того, кто «перешёл ему дорогу».
А еще у Валентина есть большая тайна.
По ночам Валентин говорит с Богом.

Как только стемнеет, он зажигает свечи.
Становится на колени и от сегодня до завтра
С потусторонней надеждой горячо шепчет:
— Господи мой Боже! Тебя ведь нет?! Правда?!..

* * *

Если ты одержим социальной доктриной среднего класса,
Вплоть до того, что тебя за глаза называют — псих,
То заведи себе магазин «Колбасы»
И стань хозяином добрым и мудрым для них.

С этой минуты ты для колбас учитель и вождь.
С речью к ним обратись максимально напористо.
Общаясь с колбасами, ты, наконец, поймёшь
Суть социальной формулы мироустройства.

Прежде всего, сообщи им, что они очертаний фаллических.
Осеменили Вселенную, и нет в Универсуме места,
где б не было жирных колбасных следов.
Миром тебе все поклонятся — от сосисок студенческих,
До самых элитных, сырокопчёных сортов.

Только теперь гордое племя колбас в твоей власти.
Воля святая народа свершается принудительно.
Можешь их посылать в свою или чужие пасти.
Шкуру живьем снимая с них предварительно.

Грязные цели преследуй, пусть даже они приведут тебя в ад.
Только запомни, что даже у ливерной в сердце
горит сокровенная тайна.
Есть колбаса «Царская», есть «Императорский» сервелат,
Но нет колбасы, и не будет с именем «Либеральная».

Рюмкой хрустальной звякнешь о чей-то гранёный стакан.
Долькой копчёной закусишь и вспомнишь не к месту —
В каждой из этих палок живёт безумный тиран,
Который втайне мечтает занять твоё законное место.

* * *

Полночь пробила — время детское.
Лунная лужа растеклась по квартире.
Читаю рассказ отца Павла Флоренского
Об энергетическом вампире.

Странное от прочитанного у меня впечатление.
Знаю я, что, наверное,
Живут вампиры и в моем окружении,
Питаюсь моей энергией.

Но как обозначить их среду обитания?
Как защититься от их укусов,
В достаточной степени не обладая
Навыками девиаторного искусства?

(Т. е. неконтролируемого изменения собственного сознания
В рамках привычного мира
До тёмных пределов оперативной магии,
Чтобы в этих пределах опознать вампира.)

Мысль эта, как шапка, на бок съехала.
Жжёт безумным адским огнём.
А если бы вы сейчас поднесли ко мне зеркало,
То я не отразился бы в нём.

* * *

Второй час без музыкального сопровождения танцует Алёша,
По лужам впрысядку, наотмашь, наискосок.
На левой ноге у него ботинок из крокодиловой кожи,
На правой — дырявый носок.

Алёша приехал навестить смертельно больную маму,
Которая порой вытаскивала его на Божий свет
Из таких древних, потаённых, inferнальных провалов,
Куда способен попасть не всякий живой человек.

Мать строгой предсмертной молитвой лежит на кровати,
Но чувствует, как за больничным окном
Мечется полуживая тень её дорогого, дурного дитяти.
— Господи Иисусе, помилуй не меня, но его!

Господи, сиротой остаётся он на белом свете.
Вразуми его, — задыхается мать в зыбкой молитве...
За окном надывается загробный осенний ветер,
И Алёша танцует, рассыпая золотые визитки.

* * *

*Моим друзьям Олегу Коцареву и Сергею Прилуцкому,
активным участникам самого жуткого литературного
процесса, посвящаю этот текст*

Если долго вглядываться бездну,
То бездна посмотрит в упор на тебя.
Этот афоризм известный
Можно трансформировать в схему моего бытия.

Вот люди, которые давно утонули в пиве.
Они не затевают бесполезные споры.
Они сидят в кафе на улице Рейтарской в Киеве,
Рядом с Софийским собором.

Они разливают с видимым напряжением
Водку и пьют её до нокаута.
Напротив них, как в зеркале отражение,
Те, кого принято называть литературным андеграундом.

Этот союз — их безумный мир,
Разлился по столикам в пивную лужу.
А если зайдёшь ты в местный сортир,
То поймёшь, что сортир отражает их общую душу.

Граффити расписанная кирпичная стена.
И нет определения у этого топонима.
Только дерьмо. Я предложил из дерьма
Слепить Голема.

Пусть он гуляет по улицам города
Где захочет, как по белу свету.
И смотрит на всех с презрением гордым,
Защищая город от кровавого навета.

Через кошмар полуразрушенных зданий
Забредёт он сюда, как ответ на вопрос.
А за столиком липким поэт и прозаик
Громко выясняют, кто из них хуесос.

* * *

Выхожу на балкон, наблюдаю снова ту же картину.
Отмечаю небольшие нюансы и варианты.
У продуктового круглосуточного магазина
Снова затеяли свой весёлый праздник мутанты.

Они расположились на ступеньках и распивают водку тут же.
Говорят о спорте, не прерывая разговора —
мочатся в урны и мимо.
Не обращая внимания, как рядом пошатываясь неуклюже
Проходят зомби с литровыми бутылками пива.

Бросив на мутантов взгляд брезгливо-привычный,
Зомби обсуждают важные новости политические.
А из темноты за ними внимательно следят, как за добычей,
Попивая кофеёк, вампиры энергетические.

«Ночью много нежити сбегается на свет витрины:
Оборотни и даже представители внеземных
цивилизационных групп», —
Об этом как-то рассказала мне продавщица того самого
магазина,
Знаменитая на всю округу расчленительница трупов.

* * *

Текст основан на реальных событиях.
Куратор проектов, работник музея
Современного искусства повесился, предварительно
Оставив в своём блоге следующее объявление:

«Для меня всё закончится через несколько минут.
Для вас далее гонка по скоростной трассе.
Зло — это добро, возведённое в Абсолют.
На меньшее человек не согласен.

Поэтому нужно демонтировать до деталей
То, что до сих пор оставалось нетленным —
Слово, которое было в начале,
Которое мешает великому хаосу вселенной.

И в этом разрушенном алфавите
Исправить грамматические ошибки», —
Текст основан на реальных событиях.
В конце текста звучит «Поток» Шнитке.

* * *

«О чем невозможно говорить, о том следует молчать».
(Людвиг Витгенштейн, «Логико-философский трактат»)
«Хорошая фраза, надо будет эпиграфом взять
К какому-нибудь стихотворению», — подумал я год назад,

В поезде Москва-Киев возвращаясь домой.
В плацкарте из жести.
Поездка не была деловой,
Поездка не была связана с женщиной.

А так, пригласили. Впрочем, неважно,
Почему я околачивался две недели в Москве.
В точно таких же девятиэтажках.
Точно в такой же другой стране.

Поезд ломился в метафизику ночи.
Вдруг кто-то сказал мне голосом ледяным:
— Вы на человека похожи не очень.
— Что? — спросил я. И разговорился с ним.

Был он лысый, совершенно.
Глаза — две проруби. Холодное пенсне.
Я его видел раньше где-то,
Только не мог вспомнить, где.

Он говорил, что мир — это дерево.
Люди — то листья, то зола.
Но среди листвы есть яблоки спелые:
Плоды познания добра и зла.

Листья опадут, когда осень спустится.
Перегорят, как стишки в тетрабочке.
Только червь превращается в гусеницу.
Только гусеница становится бабочкой.

Поезд, как брошенный камень, летел.
Колеса заходились туберкулезным кашлем.
От монотонного храпа тел
Становилось страшно.

И он повторил, как бы между прочим,
На козлином черепе поправив пенсне:
— Вы на человека похожи не очень.
— Ты говорил это не только мне.

* * *

Из Киве

В тихом омуте по-прежнему тихо.
Черти вывелись, остались пиявки,
Врач-психиатр, при нём пара небуйных психов
Да ведьма старая, но от неё хорошо помогают булавки.

По вечерам врач меня развлекает прошлым,
Разливая по рюмкам смородиновую водку.
Он присматривается ко мне настороженно,
Поглаживая чеховскую бородку.

Впрочем, прошлое меня не волнует теперь.
Всё, что было, сфотографировано и забыто заслуженно.
Тень — это всего лишь тень,
Которую отбрасывает от себя человек как что-то ненужное.

Тихо в омуте часы отбивают ритм
Тенью сидит человек, ведет беседу сакральную.
Когда он обращается ко мне, я притворяюсь немым,
Т.е. отвечаю на его вопросы правильно.

* * *

«Чё дальше?», — он так и пишет мне — «чё».
Я закуриваю и набираю текст в чате,
В котором предлагаю ему перебросить через плечо
И забить то, что перебросил на участие во всеобщем параде.

Это кажется, что по прямой, а на самом деле круг
За кругом. На общем плане не разберёшь, где ты.
— Человек — животное стадное, — говорит мне знакомый
пастух,
Держа кнут под мышкой и подкуривая от моей сигареты.

— Это время такое, — и мне возразить нечего.
Кратким «нет» прекращаю беседу. А на нет и суда нет.
Так что всем приятного дня или вечера.
В конце текста звучат популярные песни военных лет.

* * *

Полине Лавровой

Грозно... на то она и гроза.
В унисон испуганному собачьему вою
Ветер выкалывает глаза,
Если их не прикрывать ладонью.

Если внимательно вслушиваться — услышишь тайну,
Впрочем, стоит ли вокруг неё городить огороды.
Наверняка разгадка её так же банальна,
Как и поэтическое описание бунтующей природы.

Слушай лучше хаос звуков, сорвавшихся случайно.
Или — как листья осенние по сроку осыпаются.
Человек порой расставляет их так забавно,
Что причудливые мелодии получаются.

Непредсказуемы эти полёты.
Неважно, стихи ты вслух читаешь или ботаешь по фене.
В каждой матерной песне те же ноты,
Что и в «Страстях по Матфею».

В каждом городе встречаются те же люди,
Что и в прошедшем времени или реальном.
Всё... Нет. Пусть это будет только прелюдией
Перед ослепительной тайной.

* * *

Перебирая мелочь в кармане,
Болтаюсь один ночными проспектами.
Как малолетние графоманы,
Звёзды сравниваю с монетами.

Почему один? Почему не спится?
Блудный вопрос окаянных дней.
Улицы псевдвоенной столицы,
Как треки трассирующих очередей.

Впрочем, здесь всё, как в Багдаде, спокойно.
В чьём доме беда, никто не скажет.
В небе только луны пробоина
Да тучи импортным камуфляжем.

Люди, зевая, листают телек,
«Клаву чешут» за монитором.
Здесь умирают в своей постели.
В крайнем случае, под забором.

Неон по витрине цветными веснушками.
Там, за стеклом «Детского мира»,
То, что дети называют «войнушкой» —
Танки, солдатики и мортиры.

* * *

— Мы мясо, и вокруг нас мясо.
И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!
Я сижу в подсобке мясника Стаса.
Плаха накрыта в честь его дня рождения водкой и отбивными.

Стас брезгливо тычет вилкой в сковородку:
— Моя доктрина дешевле этих мясных лохмотьев.
Жизнь человека — это элементарное путешествие по глотке
К выходному отверстию. Вот и вся философия.

Грубо? Согласен! — продолжает мясник, подавляя икоту. —
В своем подполье я подобрал истину эту.
Ничего не изменится, пока человеку жрать охота,
Пока не атрофируются у этой вши вкусовые рецепторы.

Ну что ты ржешь, я говорю с тобой серьезно!
Поэзия, музыка и прочие декорации —
Люди давно с успехом приспособили
Дополнительным сервисом к средней руки ресторации.

— Стас, — отвечаю я, — сколько помню тебя, ты вечно
Любил такие грубые, банальные ходы,
Как рубка мяса. И еще, поговорить на темы жратвы
и человечества
Было для тебя всегда важнее самой жратвы.

* * *

Город М350,
Как и другие города этой серии,
Полгода назад
Признан неперспективным и списан с баланса
вместе с населением.

Утро 21 ноября.
Ашшурбанипал Олегович летит в бомбардировщике
над городом.

Его так назвал в честь ассирийского царя
Папаша чокнутый.

Под каждым крылом самолёта, пилотируемого
Ашшурбанипалом,
Двухсотым грузом ракеты висят.
Десять мегатонн — это немало
Для города М350.

Первый удар нанесён по химическому комбинату.
Второй — по городским коммуникационным узлам.
— Так надо, —
Скрипя зубами, твердит про себя Ашшурбанипал.

Глаза провалились, как мартовские проталины,
Но твердым голосом он докладывает о выполнении приказа:
— Подарки доставлены.
Возвращаюсь на базу.

Через час в штабе сказали мне:
— Иди посмотри, что осталось от твоего друга-пилота.
Предсмертная записка на рабочем столе
И вышибленные мозги на карте полётов.

* * *

В тупике Гуманизма, где люди сутулятся,
Придавленные беспросветной тьмой,
Есть жёлтый барак с сортиром на улице,
Рядом с монастырём и городской тюрьмой.

В этом дремучем жилом околотке
С воющим псами частным сектором
Жил «голос поколения», осипший от водки,
Но всё еще указующий духовные векторы.

Над ним подшучивали, что, мол, голос из прошлого,
Смотрящий в будущее через левое плечо.
Я говорил с ним, распивая в неположном,
Не заходя ни к нему, ни куда-то ещё.

Под ногами лужи — небесные сканы
С точками созвездий в разрывах тучи.
И шёпотом матерным мы лили в стаканы
То, что открывает в людях тёмную сущность.

Он говорил надменно и грубо,
Как будто старый свой текст расцарапывал:
— Жизнь — это скачка на собственных трупах,
А ставки делают Бог и дьявол.

И он продолжал в угаре нервном
Из потусторонней, inferнальной смуты:
— Но ты не спеши всегда быть первым.
В этом галопе есть другие маршруты.

Продолжение разговора мне показалось лишним.
Пустые слова гремят только зря.
Я отвёл от него взгляд и посмотрел выше,
На сторожевые вышки и купола монастыря.

* * *

Рассказ о человеке, которому до смерти надоело
Свое собственное тело.

Вышел он из него, как пьяный из трактира,
И пошёл спотыкаться по миру.

Зимой выл пургой,
Летом оборачивался в комариный рой.

Вопрос его один углём мучил,
Иногда доходило даже до падучей:

Когда последний вдох,
То сдох человек или не сдох?

Стал он людей вытряхивать из тел,
А те — кто в землю провалился, кто в небо улетел.

Так и не нашёл он ответ.
И только мертвецы валялись перед ним, как фантики от конфет.

* * *

Если тебя слепили из глины
В сырых тупиках пражского гетто,
То ты обречён копать могилы,
Оргазм испытывая при этом.

Твой напарник, выходец с улицы —
Коктейль из молока и крови.
Копая могилы, он тренируется,
Поддерживая физическое здоровье.

Его философские переживания —
Суть созерцание мертвецов.
Ты задушишь его своими руками,
Улыбаясь странно ему в лицо.

Даже свернув, ты идёшь всегда прямо,
До выполнения конкретной задачи.
Сделав работу, мочишься в яму,
Воя в небо, которое плачет.

В мыслях своих, как в бездонной трясине.
В собственном теле темно и тесно.
В свой день рождения ты бухаешь в могиле,
Разговаривая с вырытой тобою бездной.

Чавкая башмаками в говне,
Мечешься в этих квадратных метрах.
Бездна спрашивает о тебе.
Ты молчишь, не зная ответов.

Кто-то далёкий голосом зыбким
Позовёт туда, где светло и не пусто.
Ты улыбнёшься бесстрастной улыбкой
Выброшенного на помойку пупса.

* * *

Тот же подвал, те же четыре стены.
Вид из окна на потерянный в хаосе метапространства завод.
Эта история произошла ещё до войны.
И не история это, а так, эпизод.

Там, вдалеке от центральных улиц — скользкие виражи.
Затхлой пивной сомнительный антураж.
Дым сигарет, перегар, привычные типажи.
Но за одним из столов сидел необычный персонаж.

Он говорил, портвейн расплёскивая из кружки,
Связно и чётко, немного волнуясь, но без остановки:
— Новую заповедь я вам даю — жрите друг дружку,
ебите друг дружку!
Пуля в затылок тому, кто не поддаётся моей дрессировке!

За этой формулой нёсся галопом чужой, неразборчивый мат.
Кто-то тогда возразил по зубам этому алкашу.
Помню, у ног его, в луже вина, валялся мятый плакат:
«Я ваш новый Христос и скоро всем вам я это докажу».

* * *

Человек встает по приказу будильника.
Умывается, чистит зубы, пятками топает по квартире.
Открывает дверь холодильника.
Закрывает дверь автомобиля.

Едет на службу, порой нарушая правила
Движения, потому что опаздывает.
В идеальном для работы, слегка взвинченном состоянии
Он выслушивает и отдает приказы.

Человек просматривает социальные сети,
В которых он зарегистрирован под странными никами.
Он может спокойно сутки на них «провисеть» —
Сеть заменяет человеку турник.

Далее — обеденный перерыв, который сменяется
остатками рабочего дня.
Каждый час на 10–15 минут длинней предыдущего.
Странная закономерность — в сердцах человек ругается
про себя —
Время неравномерно растекается по плоскости сущего!

Выключив свет, человек переворачивается на бок и вдруг
становится строже.
В позе зародыша он замирает, бормоча нервно-поспешно:
— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий,
Помилуй мя грешного.

* * *

Пробуждение — отрицательная величина.
Из пустоты попадаешь в реальность скоростной трассы.
«Сразу же сужение ума», —
Как писал на стенах Харькова безумный Митасов.

Несёшься в смертельном угаре лобовой атаки,
Из радиосводок узнаёшь новости,
Не обращая внимания на знаки
Ограничения скорости.

Всех обгоняешь без особых помех.
На тех, кто отстал, взгляд презрительный кинешь —
Мол, я всегда и впереди всех...
Но впереди тебя борт грузовика и финиш.

* * *

Большая Васильковская, 114-й дом.
В доме кабак. Каждой ночью
В нём собирается то,
Что принято называть «сливками общества».

Николай живет этажом выше,
Над кабаком, в квартире 40.
Сливки называют его «Карлсон, живущий на крыше»,
Или «привидение с мотором».

Для Николая жизнь — не загадка,
А стрела, летящая в мишень легко.
Он мечтает попасть в ТОП-десятку,
А не промазать в «молоко».

Недалеко от своего дома, в кабаке попроще,
Куда его пускают без гламурного дресс-кода,
Он рассказывает небылицы из жизни сливок общества —
И его завистливо слушают менеджеры
и другие представители офисного планктона.

Напившись, он возвращается в свой домик на крыше,
Выходит на балкон и орет во все горло:
— Суки, я вас всех ненавижу!
Вы слышите меня? — и кто-то из сливок
снимает его мобильным телефоном.

Они не сердятся на Николая.
Ведь он — своеобразное подтверждение их успешности.
Их устраивает форма протеста такая.
И вообще, приятно, когда тебе завидуют до ненависти.

* * *

Жизнь в колее, на автомате.
Но могут не выдержать нервы!
Вдруг выяснилось, что мой школьный приятель
Работает донором спермы.

К горлу, как рвота, подкатил смех,
Спазматическим, резким удушьем.
Я отвел глаза и посмотрел вверх
На облака, потом вниз на лужи.

Он живо расспрашивал обо мне,
Я схематично отвечал на его вопросы.
В конце тихо спросил он: а ты, мол, где?
— Да так, болтаюсь... ничего серьезного.

Возвращаясь домой, я подумал вскользь
О месте своём и его на планете.
От моей деятельности — депрессивный психоз.
От его — здоровые дети.

* * *

На стене солидного учреждения
Написано: «Подбородков — ябеда!!!»
Три восклицательных знака в конце этого утверждения.
С надписью рядом —

Сам Подбородков с тряпкой в руке.
В нетерпеливой панике пытается он
Скрыть то, что давно известно всем.
Но алые буквы в железобетон

Впечатаны скрижалями, а не дешёвым базаром.
Подбородков трёт стену до блеска залысины.
Не ведая, что со времён Валтасара
Так утверждается истина.

Под скользящими опасной бритвой взглядами,
Насмешливыми, мстительными, обличительными,
Подбородков хнычет: «Сам ты ябеда» —
Обращаясь к своему неведомому разоблачителю.

Небо предгрозовым разрядом
Вспыхнуло inferнально-сурово.
На стене высветилось: «Подбородков — ябеда!!!»
Страшным и необжалуемым приговором.

* * *

Гарик Малёванный, 32 года — персонаж этого стихотворения.
Что ещё о нём? Работает в студии модным дизайнером.
Да, в нашей палате он считается безусловным лидером мнения.
Я лежу рядом с ним и считаюсь того же мнения аутсайдером.

Стоит, конечно, еще пару слов сказать о больнице —
Месте, в которое свозят человеческий лом.
В общем, это «жёлтый дом», как говорится.
Для тех, кто не понял, проще скажу — это дурдом.

Далее, Гарик и я считаем себя литераторами.
Поэтому головы наши загружены мировыми заботами.
Время проводим мы за игрой в шахматы и дебатами.
И каждый из нас считает другого на голову ёбнутым.

Доктрина Гарика банальна до неприличия.
Даже озвучивать ее неудобно перед вами.
В общем, всё просто: «креативные» единицы
из среды ярких личностей
Способны манипулировать стоящими за ними нулями.

Конечно, я не претендую на понимание здешних зрителей.
Тем более с ограниченным объёмом в их башке
«серого вещества».
Но полагаю, чтобы управлять большинством,
меньшинство нужно выделить
И защищать это самое меньшинство от того самого
большинства.

Включившись в привычную тему, мы с Гариком
двигаем пешки
На королей и прочих величеств, высочеств.
У Гарика, как всегда, полноценная группа поддержки.
Я свою конспирологию отстаиваю, как всегда,
в одиночестве.

Гарику верят, над его социологическими чертежами
Мутно, подолгу глаголют, себя выпячивая всерьез.
Так как дом наш переполнен исключительно яркими
типажами,
Даже если у этих типажей устойчивый депрессивный психоз.

Гарик смеётся: «Оставь для них шанс выкарабкаться из нулей.
Зачем им знать, что они пауки под капроновой крышкой».
Я бормочу в ответ: «Матушка! о своем больном дитятке
пожалей!..
А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?».

* * *

Имитируя голос Виктора Цоя,
Николай Подбородков поёт под гитару
Проникновенно о группе крови.
Под ногами валяется водочная тара.

Улыбаясь чарующе-снисходительно,
Разбавляя апельсиновым соком водку,
Елена Прищепа слушает песню Цоя Виктора
В исполнении Николая Подбородкова.

Путая слова и не извинившись икая,
Свесив в тарелку сальные волосы,
Андрей Карбаш в упоении подпевает
Николаю Подбородкову противным голосом.

Кожу пальцев о струны стирая,
Искренне желая всем удачи в бою,
Начальник сбыта Подбородков Николай
Мужественно заканчивает любимую песню свою.

Никита Цвигун, стесняясь своей комплекции,
С искусственной улыбкой офисного рейнджера,
Встаёт из-за стола и от имени дирекции
Поздравляет присутствующих с днём менеджера.

* * *

П. — служащий первого сословия,
Топ-менеджер храма Баала —
Утром был найден в луже крови,
Мочи и кала.

По показаниям работников храма,
После пятничного жертвоприношения
П. вёл себя странно,
Что также зафиксировали камеры внутреннего наблюдения.

К сожалению, сканы записей
Не дают полной картины инцидента.
Видео обрывается
Меткой «совершенно секретно».

Но в доступном просмотре видно,
Как П. разговаривает сам с собой.
Можно сделать следующий вывод:
У него не всё в порядке с головой.

Говорит менеджер этики обряда:
— Я заметил в поведении П. следующие отклонения:
При исполнении я стоял с ним рядом
И видел, как у него заметно дрожали колени.

Также по его артикуляции было заметно следующее:
Он произносил не формулу-заклятие во славу Ководства,
Но имя недавно принятого им в дом менеджера
По рождению и воспитанию совместного потомства.

Проанализировав факты, я в присутствии
Топ-менеджера Иерархии изложил всё в деталях.
Нет сомнения, что это губительное атавистическое чувство,
Мешающее концепции Весёлого Процветания.

К сказанному хочу добавить следующее:
Помните о ваших перед Проектом обязательствах,
Неисполнение которых часто приводит менеджеров
К смерти при загадочных обстоятельствах.

К уходу П. отнеситесь с иронией неприхотливого мирянина,
Гуляющего по улицам нашего города прекрасного.
Кругом весна, и от жертвенника вкусно тянет
Жареным мясом.

НОВЫЕ ТЕМЫ

* * *

Все события с приставкой «гипер»
Слились в последнюю бурю. Впрочем —
Если б тогда Микробов не выпил
То, что было на дне флакончика,

Всё обошлось бы, и точка атома
Не развернулась в чёрную мессу.
Если б жена Микробова спрятала
Тот флакончик в надёжное место,

То и герой наш не соблазнился,
Найдя в шкафу его случайно.
Если бы тот флакончик разбился,
Когда тёща жене открыла тайну

И перед смертью вручила с наказом
Спрятать подальше флакон от Микробова,
Который может лапами грязными
Вскрыть понюхать, что там, и попробовать.

Что и случилось. В разбитом окне
Сумерки мирового коллапса.
Ах, если б не пахло то, что на дне,
Его любимым сливовым шнапсом...

В этой истории нет троеточия.
Ставлю точку в конце этой крайности.
То, что было на дне флакончика,
Стало моей и вашей реальностью.

* * *

Ночь, в ней лампа коптит керосином.
Стружка на поленьях и досках.
Папа Карло мастерит Буратино
По эскизам Иеронима Босха.

За решеткой оконной рамы
Ветер злой, осенняя сырость.
Буратино родился без мамы.
Карло сыну сказал, мол, разбилась.

Мол, испытывая самолёты,
Подымалась всё выше и выше.
Но её караулил тот, кто
Мрачной тенью живёт на крыше.

Кто томим неестественной страстью
К малышу из соседней квартиры.
Тот, кого называют мразью
Все, кто знают о нём не от Линдгрена.

«Тот, чья песенка уже спета, —
Говорит папа Карло страстно. —
Буратино, ты рождён для вендетты.
Ты казнишь педераста Карлсона.

Каждому воздадим по вере.
Перед каждым предстанем вопросом.
Ты вотрешься к ублюдку в доверие
И проткнёшь его своим носом».

Кулаком по колену ударив,
Переходит на крик в исступлении:
«Я не Карлсон, я Карло!
Я живой, а не привидение».

В обезумевшей непогоде,
Под бескрайним простором эфира,
Деревянные дети бродят
По дорогам железного мира.

* * *

Положив на наковальню свой хер и погладив его ладонью,
Прибамбасов взял в левую руку молоток слесарный.
Закрыв глаза, посчитал до трёх, потом до десяти, потом до сотни
Довёл счёт... и начал отсчёт обратный.

Резко выдохнув, он опустил руку с молотком,
Но не на орган половой, а так, от бессилия.
Ветер по-волчьи выл за окном,
И молнии словно взбесились.

Вспышками освещали Прибамбасова на мгновение.
И было видно тогда, что лицо его застыло в мёртвой мысли,
Оно было искажено сложным выражением —
Пустотой Малевича и страшным босхианским смыслом.

«Что же это? — думал Прибамбасов шёпотом предсмертным. —
Разве смысл природы в её продолжении?
Но тогда мир становится одномерным.
Бессмысленной цепочкой мертворождённых мгновений.

Можно ли освободиться от этих оков
И чёрное больше не называть белым?»
Прибамбасов зажмурился, сцепил остатки зубов
И снова занёс молоток над своим хером.

* * *

Пока разнимали драку между Семечкиным и Ряхой,
Пока бегали за бинтами, ватой и четвертой бутылкой
водки —
Звёзды рассыпались по небу знаками зодиака,
И кто-то собрал разбросанных людей в многоэтажные
коробки.

Нас забыли, мы остались одни во Вселенной.
Стало очень уютно рядом друг с другом.
Ряха сплюнул на землю окровавленной пеной
И попытался приладить Семечкину откушенное им ухо.

Все говорили тихо, как будто боялись вспугнуть
Что-то неведомое, то, что щекочет воображение
нечёткой тенью.
Над нами спиралью разворачивался седой Млечный путь.
К нему тянулись грозди дышащей, живой сирени.

Ни я, никто из нас отчётливо понять не мог
Механику этого покоя и осмысления противоречий.
И тогда неожиданно Ряха отдал Семечкину долг,
Из-за которого они подрались этим вечером.

* * *

Брюхов слепил из хлеба Брюхова,
Узнав, что человек был сделан из глины,
И теперь называет лучшим другом его
Или неблагодарной скотиной.

Брюхов и Брюхов в союзе священном
С общей планетарной задачей.
Брюхов друга называет Хлебный.
Себя же Брюхов Мясным обозначил.

Когда у Мясного смятение духа
И он вином наполняет стакан,
Он уговаривает Хлебного друга
Не молчать, как неживой истукан.

Но Хлебный молчит, хотя и дышит.
Взгляд упёрся в узоры стены.
Его не волнует вино в пивной крышке
И зёрнышко красной икры.

Это величественное молчание
Возбуждает у Брюхова рецепторы слуха.
И Брюхов за Брюхова отвечает,
Внимательно слушая ответы Брюхова.

В пьяном, ночном, матершинном угаре
Спора о Логосе и его роли
Брюхов то сделает Хлебного шариком,
То расплющит его между ладоней.

«В такой трансформации отсутствует норма, —
Думает Брюхов в запале беседы, —
Ведь независимо от приданной формы
Хлебный всегда остаётся Хлебным».

Когда засыпает, ему всегда снится
Поле в необозримую вечность,
Где он зерно, а вокруг пшеница
Человеческая.

* * *

Вечер скользит улиткой.
Изнутри освещён
Улыбкой
Сумасшедший учёный.

Вспыхнувший смех разобрал идиота
На детали.
Он утверждает, что кто-то
За ним наблюдает.

Так начинается эстафета
Общего интеллекта.
Мозг человека — это
Гриб с психоделическим мощным эффектом.

Здесь в коллективном потоке по воле
Несут карусели
Вегетативное общее тело, т.е.
Мицелий.

Импровизирует
Тот, кто обрёл ориентир.
Он говорит хаотичному миру —
Мир.

* * *

Рисунки идиотов на картинах Босха Иеронима
Оживают, заполняя реальность своим присутствием.
К ним переходит глобальная инициатива,
Дополненная техническими инструкциями.

Человек не может разобраться в этом новом писании.
Ему непонятны канцеляритом изложенные нормативы.
Где, согласно закону отрицания отрицания,
Тот, кто назад оглянется, уходит из фокуса обратной
перспективы.

Так что селфи в музее зафиксируй на гаджет,
Выложи в сеть и отвечай на остроты.
А Босх писал всего лишь брабантские пейзажи,
Довольно удачные, пока их собой не испортили идиоты.

* * *

Три дня слились в единое месиво.
Три дня как Микробов покинул квартиру.
И вот на улице он исполняет песни
И танцы разных народов мира.

С ним рядом Бабене, его приятель,
Бойко играющий на гармошке.
Когда-то на спор он ел говно на Крещатике —
Двадцать долларов чайная ложка.

В этом году четвёртого мая
С осью небесной столкнётся планета.
Микробов с Бабене широко отмечают
Очередную дату конца света.

Они преследуют единую цель —
Пасть на дно с библейским грохотом.
Микробов мочится на свою тень,
Оглашая окрестность демоническим хохотом.

— Падая, стоит ли торопиться? —
Говорит Бабене, алкоголь разливая. —
Нужно заранее адаптироваться
К провалу в бездну из земного рая.

Глядя на них, бабушка крестится.
Дети молча стоят в стороне.
С рёвом гармошки сливается песня —
«Группа крови на рукаве».

* * *

В липком необратимом делирии,
С собственной неподконтрольной тенью,
Что-то украденное делили,
Вольно трактуя законы деления.

В вывернутом, запредельном танце
Грозно сомкнулись в объятьях небратских.
Тень укусила его за задницу.
Он заорал от боли адской.

Ветер, набухший мокрым снегом,
Плоть обретал, превращаясь в сугробы.
Тень отбрасывала человека
И хохотала общей утробой.

Что-то кричал он треснувшим голосом.
Слово наполнилось смыслом тленным.
И разрывалась на «Я» и космос
Неразделимая прежде вселенная.

Рухнувшей с неба на землю птицей
Смертью растёкся бессмертный фатум.
Так бесконечность на время дробится
В необратимом моменте распада.

* * *

Тёмный провал эстрады, в зале колышутся тени.
Своды полуподвальной архитектуры.
Мячиков блеванул на распечатку собственных стихотворений
И вдруг задумался о судьбах, дерзающих в мировой культуре:

«В этом пространстве новых, как нам кажется, схем
Мечутся люди в словесном и бессловесном блюде.
Если они устроили баттл поэтический, или слэм,
Значит, им хочется тоже дойти до самой сути.

Значит, им те же рамки пространства тесны.
Значит, им нужно с собственным вакуумом объясниться.
Но если, к примеру, я перед ними сейчас спущу трусы,
То я уверен, что ничего масштабного не случится».

Вдруг он заметил, что полная тишина —
Это не просто отсутствие звуков, но иная природа.
Мячиков равнодушно отметил, как из зала вышла его жена,
Что-то пробормотав про клинического идиота.

* * *

Смотрит, как горизонт ломает круговую орбиту.
В общем потоке вне общего круга звучит отчётливый голос,
Непринуждённо тасующий буквы общего алфавита.
Преображающий цельность зерна в колос, в космос.

Множество — это и есть пространство и время —
Мир существа в ограничивающих плоскостях.
Здесь ощущает себя он живым, сравнивая с теми,
Кто у него в гостях.

Воск из воска лепит теплом фигуры.
Те, в свою очередь, ищут общую пластику в глине.
Так появляются контуры следующей архитектуры,
Где пересекаются параллельные линии.

Равносторонним крестом, приводящим точку в движение,
В истину, которая в принципе неделима.
Так человек замирает в процессе вечного преобразования
И созерцает незримо вспышку сверхнового Иерусалима.

* * *

Хлам —
Неустойчивая окружающая среда.
А то, что не видно нам,
Было всегда.

Есть проводник
Отсюда к иконе.
У Почаевской Матери блик
Свечи на ладони.

Видно едва.
Слышно едва, но мы будем здесь в прятки играть
На раз-два,
Три-четыре-пять.

Начинаем ходьбу по краю,
Не контролируя хаос собственного движения.
На этом тема сверхбытия человека раскрыта, и мы начинаем
Следующее упражнение.

Это не всё.

Это не сон, не несмешно и смешно, а значит не просто.

По лбу, по мягкому месту, по мнению многих в ритуале парада

Есть дешифрующая строка.

В Прадо

С братом мы снова нашли в этой общей галлюцинации Хомяка.

* * *

В небе горит, но не светит
Солнца подобье.
Мы смотрим вверх, на нас смотрят дети
Исподлобья.

Нам неудобно.
Мы замерзаем в собственном страхе.
Дети рассказывают очень подробно
О черепахе.

Там, в первотьме,
Где плоскости нет и углов,
Топчет она пустоту и на себе
Держит слонов.

Из трубных хоботов семенем хлынули стаи раскрашенных рыб.
Сонный объём пробудился в страстную дрожь.
Чётким пунктиром рыбы плывут среди глыб,
Строя чертёж.

Обозначают контуры берегов
В первом пространстве.
Это то, из чего
Сложится пазл цивилизации.

Слово — движенье.
Сразу, везде
Сущего отражение
Солнцем рассыпалось по воде.

* * *

Но разве Солнце лжёт, и перед нами
Не дело наших рук?
И разве мы не видим?..

Нет,
Не видим.

Здесь сонная стерильность госпитального двора.
Густое, неразбавленное Солнце.
Резкие штрихи кричащих галок.
Слова, опять слова.
Приятель что-то говорит, показывая
Рукой на морг, не задерживая впечатленья.
Там на стене
Поспешная, живая надпись:
«Здесь нет ни эллина, ни иудея».

Я вслух читаю строчку послания к фригийцам из Колоссы.
Смотрю, как кто-то здесь же
Делает поспешный снимок
И, очевидно, подпись
Для социальной галереи.

«Здесь нет ни эллина, ни иудея».

Кто словом остановит этот эпизод?
Но Солнце здесь мешает данному сюжету.
Здесь Солнце лишнее.

Но разве Солнце лжёт?

* * *

Ветер играет с затухающим дрожью огнём.
Зло и добро сплетаются неразрешимой задачей.
Тьма вспыхнула нетопырём
И ослепила зрячих.

Что впереди? Мы не слышим ответа.
К тишине примешивается тревога и другие помехи.
На наш вопрос отозвался кто-то где-то
Наглым глумливым смехом.

История о человеке оседает пылью.
Кто-то идёт торопливо пыльной тропой.
Выстрел, за ним ещё выстрел — и вороны крыльями
Сглаживают луну с космической пустотой.

По берегам дороги те, кто уже не с нами.
Мы забываем вчерашний день. Но вопреки, воскресли
Трупы с полуоткрытыми глазами,
Напряжённо всматривающиеся в безжизненную бездну.

Там, в запредельном ничто увидеть своё отражение.
Стать пространством между раем и адом.
Всё, что живое, всё, что в движении,
Тоже находится в периоде полураспада.

Истина, вздрогнув, бежит дрожью по коже.
Яростью захлёбывается от осознания, что ты только зритель.
И заражённый всеми, я тоже
Начинаю криком всех ненавидеть.

Так, по закону распада превращаясь из стада в стаю,
Путая и тасуя свою и чужую вину,
Ничего не поняв, уходим и оставляем
Детей, играющих в следующую войну.

* * *

Сяоцин смотрит в вечерний речной туман.
Её мысли переливаются
Белым журавлём,
Нефритовым карпом с одним глазом
Топазовым.
В нём
Застыли реликтовые лучи.
Голос чей-то
Здесь звучит.
Птица-флейта.

У неё за спиной Саня Егоров и Гоча Джугашвили
Пьют водку и обсуждают, как квантовая физика
Мир обнулила.
Повторяют парадоксы заезженные.
Саня сдержанно.
Гоча повышает тон,
Утверждая, что он в анус имел раздвоенный фотон.
Смех и бытовые отступления в течении разговора.

«Течение прекратится. Но всё это будет не скоро.
Увы, не скоро», —
Думает, глядя в туман, Сяоцин,
По мужу Егорова.

Птица-флейта в тумане отражённых, бездонных вершин.

* * *

Попугаев понял, что обладает чудесным даром —
Воплощать в реальность
Чужие сны.
Но не все, только кошмарные.

В которых кризисный коллапс, беда.
Где зомби заполнили тлением города.
Где мир атакуют с неизвестных далёких галактик,
Стирая людей, словно детские рисунки ластик.

Сознание Попугаева в трещинах.
И вот он, блогер-теоретик,
Бронзовый призёр заплыва на резиновых женщинах,
Задумался об эксклюзивном праве разрушения основ.
Что если и вправду воплотить в реальность
Один из кошмарных снов?

Безумным смехом восстали дети попугаев,
Решив сбросить человечество с мнимых вершин.
Война пернатых младенцев и бездушных машин,
В которые трансформировались бывшие люди,
Станет последней, детонирующей сутью.

Дети-птенцы сплотились в ударную массу
И, обгадив памятник Илону Маску,
Который первый вживил в мозг человека имплант,
Они воплотили безумный вариант,
Загнав людей обратно в макаку,
Объявив предыдущий вариант человека браком.

Дети попугаев стали новым крылатым человечеством.

Попугаев — Отец попугаев —
Взволнованно говорит своим детям:
«Не попадите в те же цивилизационные сети.
Не усложняйте очевидное, будьте проще».

Проснувшийся разум мой
Порождает чудовище за чудовищем.

* * *

Ноль, пространство пульсирует в нём.
В этом штрихе отражается тема
О том, как Сюсюкин помыл своё
Любимое тело.

Вышел из ванной комнаты он.
Хлопнул трусами по брюху голому.
В квартире раздался торжественный звон.
Сюсюкин понял, что внутри он полый.

Волной резонанса из памяти всплыли
Воспоминанья потоком румяным,
Как бушевали в его внутреннем мире
Львы, гиены и обезьяны.

Но смехом рассыпалась суета,
И проступил формулой космос:
Сюсюкин — Вселенная — Пустота,
С которой он почти что сросся.

Здесь, в этом вакууме ночном,
Себя в конечном итоге познал он
Как метафизическое ничто,
То есть ноль, а значит начало.

Время застыло в безликой скуке.
Замерли часовые стрелки.
И в умилении Сюсюкин
Целует своё отражение в зеркале.

Грохот рассыпавшихся богов.
Небо свернулось в конечную точку.
Здесь пустота — это суть всего.
И он, Сюсюкин, её оболочка.

* * *

Эту историю, словесную смесь
Разоблачит ненужный кто-то.
Пампасов может отрыжкой прочесть
Свои комментарии к «Фаусту» Гёте.

Кафедра вздрогнула смущённым шёпотом.
Глаза изумлённой точкой застыли.
Пампасов взлетает с бешеным хохотом,
Расправив нетопыриные крылья.

Кружит в пространстве, хрустя перепонками.
В бешеной ярости смертной атаки
Вылетает в окно — и за ним вдогонку
Срываются с надрывным лаем собаки.

Ночь оживает inferнальным воем.
Урчит ненасытной утробой животной.
И под лоснящейся гнойной луною
Начинается танец весёлый и потный.

В кромешной тьме вспыхнул костёр.
Трещат пылающие сучья.
В медный, кипящий болотом котёл
Ныряет Пампасов щучкой.

Адский провал в миры нисходящие.
Реальность плавится в галлюциноген.
Из котла Пампасов достаёт визжащее
Своё второе Я за член.

Мощный конец. Финальные титры.
Мир — бесплотное привидение.
Пампасов ходит по лабиринтам
Ненужной, отброшенной кем-то тенью.

* * *

В обратную сторону крутится глобус,
Время пролистывая неслышно.
На рождественской ярмарке показывал фокусы
Мужчина с усами острыми, рыжими.

Ящик стоял на стеклянном столике.
С наглой пронырливостью таракана
Усатый удваивал белых кроликов.
Мы восхищались механизмом обмана.

В этой иллюзии постепенно
Нам открывался чёрный ход.
Чёрный ящик — суть метавселенная,
Космологический горизонт.

Мы отряхнулись от пыли догмата.
В нашем сознании рушились стены.
Шли мы за фокусником усатым,
Спутав его с кроликом белым.

Сорвало с петель тяжёлые двери,
С нами здоровались через порог
Кролик из звёзд, прочие звери —
Овен, Телец, Козерог.

Переливающееся течение
Вдруг бетонным законом застыло.
Фокусник выступил с разоблачением
Трансцендентальной механики мира.

И усмехнулся жестокий Хронос.
Небо закрылось тяжёлыми крышами.
Снова правильно крутится глобус,
Время пролистывая неслышно.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ КНИГИ «АЛЕКСАНДР МОЦАР, БИМ И БОМ,
И ДРУГИЕ КЛОУНЫ» 2013 г.

«Знакомьтесь...»	9
«У нее был классный череп...».....	11
«Эта история произошла совсем недавно...».....	13
«Сразу после рекламной паузы...»	16
«Умерла моя соседка Елена Александровна Гаврилова...» ..	18
«Мы пришли на вечер памяти N...»	19
«Утро 19 мая. Полуподвальное помещение...»	20
« — Современной поэзии не существует...».....	22
« — Я рисую облака в небе...»	23
«Утром окно напоминает проявляемую фотографию...»	24
«Вот сидит плохой человек...».....	25
«Вот они...».....	27
«В нашу городскую тюрьму...»	29
«Концептуалистка Таня вышла замуж...»	30
«Егор — увесистый мужчина 35-ти лет...»	32
«В переулке...»	33
«Тем, кто бухает в подъездах на лестнице...»	34
«В киевской подворотне...».....	35
«В обезьянниках всего мира по разным причинам...».....	37
«Начнём с того...»	38

ИЗ КНИГИ: Е=М (механика)
2018 г.

«Курс прежний, независимо...»	41
«Конечная 102-го автобуса...»	42
«Вечер как вечер, что называется, рядовой...»	43

«Первый или последний? Альфа или Омега?..»	44
«Лошадь бежит по кругу...»	45
«Веселись юноша... и не читай, что дальше...».....	46
«У Валентина П. — острая паранойя...»	47
«Если ты одержим социальной доктриной...».....	48
«Профессор энтомологии Максим Новиков...»	49
«Полночь пробила — время детское...».....	50
«Второй час без музыкального сопровождения...»	51
«Если долго вглядываться бездну...».....	52
«Выхожу на балкон, наблюдаю снова ту же картину...».....	54
«Текст основан на реальных событиях...»	55
«О чем невозможно говорить, о том следует молчать...» ...	56
«В тихом омуте по-прежнему тихо...»	58
«“Чё дальше?”, — он так и пишет мне — “чё”...»	59
«Грозно... на то она и гроза...».....	60
«Перебирая мелочь в кармане...»	61
« — Мы мясо, и вокруг нас мясо...»	62
«Город М350...»	63
«В тупике Гуманизма, где люди сутулятся...»	64
«Рассказ о человеке, которому до смерти надоело...»	65
«Если тебя слепили из глины...»	66
«Тот же подвал, те же четыре стены...»	68
«Человек встает по приказу будильника...».....	69
«Пробуждение — отрицательная величина...».....	70
«Большая Васильковская, 114-й дом...».....	71
«Жизнь в колее, на автомате...»	72
«На стене солидного учреждения...»	73
«Гарик Малёванный, 32 года...»	74
«Имитируя голос Виктора Цоя...».....	76
«П. — служащий первого сословия...».....	77

НОВЫЕ ТЕМЫ

«Все события с приставкой “гипер” ...»	81
«Ночь, в ней лампа коптит керосином...»	82
«Положив на наковальню свой хер...»	84

«Пока разнимали драку между Семечкиным и Ряхой...»	85
«Брюхов слепил из хлеба Брюхова...»	86
«Вечер скользит улиткой...»	88
«Рисунки идиотов на картинах Босха Иеронима...»	89
«Три дня слились в единое месиво...»	90
«В липком необратимом делирии...»	91
«Тёмный провал эстрады, в зале колышутся тени...»	92
«Смотрит, как горизонт ломает круговую орбиту...»	93
«Хлам...»	94
«Игры, прятки, война в лопухах, а мы...»	95
«В небе горит, но не светит...»	97
«Но разве Солнце лжёт, и перед нами...»	98
«Ветер играет с затухающим дрожью огнём...»	99
«Сяоцин смотрит в вечерний речной туман...»	100
«Попугаев понял, что обладает чудесным даром...»	101
«Ноль, пространство пульсирует в нём...»	103
«Эту историю, словесную смесь...»	105
«В обратную сторону крутится глобус...»	107

Літературно-художнє видання
СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована в 2023 році

Александр МОЦАР

ОНИ ГДЕ-ТО РЯДОМ,
НО МЫ ИХ НЕ ВИДИМ
(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 150 прим. Зам. №7677
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 7
Гарнітура «Cambria». Підписано до друку 26.12.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл.,
м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Моцар Александр Владимирович — поэт, прозаик. Работал журналистом в различных периодических изданиях. Автор многочисленных публикаций в литературной периодике. Автор сборников стихов «Александр Моцар, Бим и Бом, и другие клоуны» (Днепропетровск: Лира, 2013 г.), «Е=М (Механика)» (Киев: Каяла, 2016 г.) и романов «Родченко (кошки-мышки)» (Киев: Каяла, 2016 г.), «Простые фокусы, или Смотрите, на ветке сидит попугай» (Киев: Каяла, 2020). Шорт-лист и победа в поэтическом слэме Григорьевской премии 2015 г. Шорт-лист премии Олеся Ульяненко 2016 г. Лауреат (первое место) премии «Му Fest 2018». Повесть «Тыл» входила в длинный список литературной премии «Национальный бестселлер» (2020).

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІГ
ОЛГА ФЕДОРОВА**

9 786178 477677